

PROBLEMS IN RELATIONS BETWEEN AZERBAIJAN AND TURKMENISTAN AND PROSPECTS

© 2014

Babaeva G.F., a doctoral student of political science and political sociology of the
Institute of Philosophy and Law
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku (Azerbaijan)

Annotation: After 1991, all the countries that were part of the USSR, declared their independence, and thus began a new stage in the history of political relations of the region. The construction of such relations was accompanied by numerous contradictions, challenges and even tragic events. This process has shown itself in the construction of Azerbaijan's foreign policy, and at the same time has not spared the process of forming diplomatic relations with the Turkic world, make their first independent steps.

Keywords: International relations, Turkmenistan, Azerbaijan, economic and political relations, unsolved problems and prospects for development.

УДК 340

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТЬИ 237 УПК РФ В АСПЕКТЕ ОХРАНЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

©2014

Белоносов В.О., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Аннотация: в статье анализируются предпосылки появления, становления и развития ст. 237 УПК РФ посредством принятия законов, толкования решениями Конституционного и Верховного Судов РФ. Анализируется влияние этих изменений на охрану прав участников уголовного судопроизводства. Делается вывод о необходимости усиления уголовно-процессуальной ответственности.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальные функции, возвращение уголовного дела прокурору.

Ст. 237 УПК РФ занимает особое место в системе уголовно-процессуальных отношений и отражает как в зеркале все этапы реформирования уголовного судопроизводства. За время своего существования она как никакая иная подвергалась самым серьёзным изменениям. С момента своего принятия 3 из 5 частей утратили силу, а оставшиеся 2 неоднократно изменялись. Этот процесс осуществлялся с помощью 4 Федеральных законов [1], 3 постановлений Конституционного Суда РФ [2], 4 постановлений Пленума Верховного Суда РФ [3], а также последующих редакций Федеральных законов, определений Конституционного Суда РФ и всегда привлекал к себе самое пристальное внимание.

Первоначальная идея этой статьи по замыслу авторов судебной реформы заключалась в приведении роли суда в соответствие с выполняемой им функцией разрешения уголовного дела отдельно от функции обвинения. Если в советское время функции обвинения и отправления правосудия не были чётко разграничены, то в постсоветское время КС указал на необходимость разделения этих функций. Отправление правосудия должно заключаться в вынесении судом решения о доказанности обвинения, виновности обвиняемого и мере наказания, если обви-

нение подтвердилось. В том случае, если стороне обвинения не удалось доказать виновность подсудимого, то согласно презумпции невиновности должно быть вынесено оправдательное решение.

Такая логически стройная и ясная конструкция в постсоветское время воспринималась по-новому, так как разрушала существовавшую ранее порочную практику, когда в случае недоказанности (недостаточной доказанности) суд предоставлял стороне обвинения дополнительный шанс попытаться ещё раз доказать обвинение посредством проведения так называемого дополнительного расследования. Подобная практика, широко распространённая в советское время, развращала органы предварительного расследования, не способствовала повышению качества расследования, ответственности и профессионализму сотрудников, а потому нарушала права граждан.

И когда в 90-х годах Конституционный Суд РФ осудил эту порочную практику [4], сформулировал другую схему, его выводы звучали революционно по-новому и убедительно. Не утратили они своей актуальности и в современных условиях. И по сей день эти выводы Конституционного Суда РФ звучат очень убедительно.

Например, в п. 3 постановления от 20 апреля 1999 г.

7-П Конституционный Суд РФ отмечал, что когда суд самостоятельно инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, он, по сути, выполняет не свойственную ему обвинительную функцию. Возвращение уголовного дела прокурору отражает только интересы обвинения, так как обеспечивает исполнение недостатков именно обвинительной деятельности в ситуации, когда ни прокурором, ни потерпевшим сомнения в доказанности обвинения не устраняются. С точки зрения интересов защиты возвращение дела не является необходимым, поскольку при сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на вынесение судом оправдательного приговора либо на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования. Поэтому если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме, то это должно приводить к постановлению оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность в менее тяжком преступлении.

А в постановляющей части было записано: «Возвращение судом дела по собственной инициативе при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения... либо изменение обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении... не соответствует Конституции РФ».

Данное постановление Конституционного Суда действует до сих пор, так как все постановления этого суда «вечные». Это УПК могут меняться, а постановления Конституционного Суда остаются, пополняя фонд прецедентных решений.

В рамках такой демократической идеологии в 2001 году была принята ст. 237 УПК РФ. В своём первоначальном виде она была компактна и состояла всего из 3 частей. При этом первая часть делилась только на 3 пункта, где в самом общем виде без каких-либо исключений регламентировался процесс возвращения уголовного дела из суда прокурору.

Задуманная как отступление от общего правила (так как по общему правилу возвращение уголовного дела из суда прокурору не допускалось), она предусматривала 3 случая возвращения:

а) когда обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением УПК, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесение решения на основе данного заключения или акта (в настоящее время эта регламентация практически не изменилась);

б) когда копия обвинительного заключения (акта) не была вручена обвиняемому (теперь этот пункт дополнен рядом исключений, связанных со ст.ст. 222 и 226 УПК);

в) если есть необходимость составления обвинительного заключения (акта) по делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера (в настоящее время эта регламентация практически не изменилась).

В целом эти три случая в той или иной степени связаны с разного рода ошибками, упущениями, изъятиями (то есть браком) в работе следователя, дознавателя, прокурора. А как ещё можно расценить нарушения УПК при составлении обвинительного заключения (акта), не вручение обвинительного заключения (акта), составление

вместо обвинительного заключения (акта) постановления о применении принудительных мер медицинского характера? Может быть, в какой-то степени исключением можно считать случаи, предусмотренные ч. 4 ст. 222 УПК, когда обвиняемый отказывается получить копию обвинительного заключения (акта). Но это исключение только подтверждает общее правило об иных случаях как недостатках в работе правоприменителей.

Очередным демократическим шагом, свидетельствующим о недопустимости дополнительного расследования, стало закрепление в ст. 237 УПК ограничительного срока в объёме 5 суток, отводимых для устранения допущенных нарушений.

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. 92-ФЗ [5] вводил следующие ограничения:

а) признание недопустимыми доказательствами тех, которые получены после истечения этих 5 суток;

б) запрет производства следственных и процессуальных действий, не предусмотренных данной статьёй.

В то же время был увеличен перечень возможных препятствий для рассмотрения уголовного дела в суде. К ранее имеющимся добавились 2 новых случая: необходимость соединения уголовных дел в соответствии со ст. 153 УПК; не разъяснение обвиняемому его прав в соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Введение этих изменений после года действия УПК свидетельствовало о желании продолжить начатую деятельность по демократизации уголовного судопроизводства. Но начали проявляться тревожные симптомы. В 2004 г. И.Л. Петрухин отметил угрозу контрреформ, что свидетельствовало о неординарном отношении научных школ к судебной реформе [6]. С одной стороны, это был вроде бы закономерный процесс, так как коренные и масштабные реформы порой опережают общественное сознание, вызывают противодействие консервативных сил и в зародыше таят опасность контрреформ. А с другой стороны, потребности общественного развития указывали на упущения в правовой регламентации и требовали своего разрешения.

И уже через 5 лет после своего принятия отдельные демократические тенденции стали упраздняться. Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. 226-ФЗ (текст Федерального закона официально опубликован не был) были отменены 5-суточный срок на устранение недостатков, запрет на производство следственных действий, признание доказательств недопустимыми после истечения 5-суточного срока.

Справедливости ради надо признать, что эти ограничения не всегда вписывались в сложившуюся систему уголовно-процессуальных отношений. Например, прокурор, получив уголовное дело из суда, как процессуально самостоятельный субъект тоже имел право в 10-дневный срок обжаловать в кассационном порядке решение суда о возвращении уголовного дела, что противоречило отведённому 5-дневному сроку на исправление недостатков. Устранение отмеченных судом недостатков по уголовному делу было невозможно без проведения следственных действий. Поэтому упразднение в идеальном варианте хотя и демократических, но противоречащих реальной действительности ограничений стало справедливым логическим выходом в создавшейся ситуации.

Крупные изменения произошли в связи с принятием

Федеральных законов от 5 июня 2007 г. 87-ФЗ [7] и от 6 июня 2007 г. 90-ФЗ [8], которыми был изменён статус прокурора как организатора предварительного расследования. И хотя эти законы формально не повлияли на состояние ст. 237 УПК, но её дух изменился. Если до этого времени уголовное дело возвращалось к субъекту, наделённому всеми властными полномочиями не только по самостоятельному расследованию, но также организации и руководству им, то после принятия названных законов статус прокурора изменился на субъекта, хотя и осуществляющего надзор за законностью, но существенно потеснённого в своих полномочиях. Тем не менее, это не помешало прокурору остаться главным субъектом на стороне обвинения и осуществлять две противоречивые функции: обвинения и надзора за законностью. Хотя руководство предварительным расследованием и право самостоятельного расследования были изъяты у прокурора, но обвинительная функция осталась.

Следующие три существенных изменения ст. 237 УПК относились к 2013 году. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. 23-ФЗ [9], во-первых, было добавлено новое основание для возвращения – наличие обвинительного постановления. И это, в общем, стало закономерным основанием. Если нарушения требований УПК могут быть в обвинительном заключении и обвинительном акте, то в обвинительном постановлении они могут быть тем более. Во-вторых, были добавлены неоднозначные основания, предусмотренные ст. 226.2 и ч. 4 ст. 226.9 УПК. Их неоднозначность заключается в том, что если следовать логике ст. 226.2 УПК, то в суде может вдруг вскрыться, что сокращённое дознание проведено в отношении: несовершеннолетнего (п. 1 ч. 1); недееспособного, к которому надо применять принудительные меры медицинского характера (п. 2 ч. 1); лица, в отношении которого надо применять особый порядок уголовного судопроизводства (п. 3 ч. 1); или подсудимый обвиняется в нескольких преступлениях, одно из которых не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК (п. 4 ч. 1); или подсудимый не владеет языком, на котором ведётся уголовное судопроизводство (п. 5 ч. 1); или потерпевший возражает против дознания в сокращённой форме (п. 6 ч. 1). Обнаружение этих оснований только в суде (за исключением может быть п. 2, ибо психическое заболевание может проявиться в любой момент) свидетельствует о том, что дознаватель грубо нарушил закон, начальник подразделения дознания с этим согласился, а прокурор утвердил такое решение. Этот коллективный труд является не просто нонсенсом расследования, но примером какого-то организованного беззакония.

Может быть с этих позиций ч. 4 ст. 226.9 УПК является и не такой яркой в своём отрицательном проявлении, но и в ней также предполагается, что дознание в сокращённой форме может кому-то не понравиться, либо быть настолько необъективным, что предполагать самооговор. В любом случае о качественном, объективном и всестороннем расследовании говорить не приходится.

Отсутствие регламентации исправления следственных ошибок привело к тому, что процессуальная практика стала самостоятельно искать выход из этого положения. Постепенно шаг за шагом решениями Конституционного и Верховного Судов РФ была «узаконена» реанимация возвращения уголовных дел судами для дополнительного расследования [10], что затем нашло своё подтверждение

в Федеральном законе от 26.04.2013 64-ФЗ [11].

Но самым существенным изменением ст. 237 УПК стало постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. 16-П [12], которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Этим постановлением положения ч. 1 ст. 237 УПК признавались не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они (эти положения) исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте или постановлении), свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства судом установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Несмотря на внешне безукоризненное обоснование, речь идёт о праве суда самостоятельно предлагать стороне обвинения ужесточить обвинение. Это всегда считалось разновидностью обвинительного уклона, что было отмечено ещё в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. 7-П.

В научной среде разгорелись жаркие дискуссии [13], которые представляли собой высочайший уровень толкования норм уголовно-процессуального права. Стороны показали, что имеют убедительные аргументы, подтверждающие правоту каждой. Серьёзными доводами отличалось и особое мнение судьи Конституционного Суда РФ С.М. Казанцева к постановлению от 2 июля 2013 г. 16-П.

Дискуссии показали, что недостаточно только логически правильно выстраивать умозаключения, также важно, от каких аргументов отталкиваться и какой последовательности придерживаться в доказывании. От этих факторов зависят и конечные выводы научного спора. Это свидетельствует о том, что на юридические аргументы влияют не только юридические, но и иные обстоятельства, не юридического характера.

При всём уважении к Постановлению 16-П всё же следует признать, что некоторые его доводы прозвучали не очень убедительно. Например, как-то упускалось из вида, что наличие препятствий для рассмотрения дел в суде является не объективным стечением обстоятельств, а следствием грубых процессуальных нарушений со стороны конкретных должностных лиц. Они своевременно не приняли законных мер, чем поставили суд перед необходимостью идти на нарушение принципов уголовного процесса и фундаментальных положений, регламентирующих статус суда. В качестве примеров в постановлении ссылались на случаи, когда в суде выявляется несогласие потерпевшего с предъявленным обвинением, несоответствие предъявленного обвинения описанию инкриминируемых деяний и т.д. Подобные факты свидетельствуют о вине не только следователя (дознавателя), но и руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, прокурора.

Развёрнутую и жёсткую критику этого постановления высказал Н.Н.Ковтун, охарактеризовав его как пагубное в теоретическом, нормативном и идеологическом плане [14]. Такой вывод автора был обусловлен тем, что, отка-

завшись от незыблемых положений научной доктрины и реалий правоприменительной практики, Конституционный Суд РФ создал новую теоретическую и правовую реальность, не лишённую ряда противоречий.

Например, с одной стороны, признаётся независимость органов предварительного следствия, а с другой стороны, эта независимость в виде инициативы стороны обвинения при отправлении правосудия почему-то рассматривается как недопустимое ограничение самостоятельности суда.

Сомнительно установление юридической квалификации преступления (а особенно «не той») в ходе предварительного слушания, где запрещается какая-либо предвзятость выводов до рассмотрения дела по существу.

Если право на справедливое правосудие в международно-правовом значении понимается как право на справедливую процедуру (что неоднократно отмечалось в решениях Европейского Суда по правам человека), то Конституционный Суд РФ это право понимает иначе — как право независимого суда в борьбе с несправедливостью обвинения, что не одно и то же.

Неубедительны высказывания Конституционного Суда РФ, что его указания на необходимость ужесточения обвинения не являются уголовным преследованием. А тогда что же это такое?

И самое главное, данное постановление находится в противоречии с постановлением того же Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. 7-П, о чём мы уже говорили.

Оригинальную мысль высказал Н.А. Колоколов о том, что отсутствие регламента исправления судом следственных ошибок гораздо хуже, чем реанимация института возвращения дел судами для дополнительного расследования. Авторы судебной реформы, исключая институт возвращения уголовных дел на проведение дополнительного расследования, наивно полагали, что следователи и прокуроры будут серьёзно относиться к своим обязанностям, а суды активнее начнут использовать институт громкого и публичного оправдания. Но в этом проявились преувеличение достоинств и недооценка недостатков, так как эта деятельность в конечном итоге связана с доказательствами, которые имеют свойство быть утраченными [15]. По мнению Н.А. Колоколова дополнительное расследование — это разумный и действенный механизм исправления ошибок, допущенных органами предварительного следствия.

Разделяя в целом утверждения этого автора, тем не менее, следует подчеркнуть, что дополнительное расследование должно быть не тем, которое было в советское время. А именно, в дополнительном расследовании следует различать два аспекта: исправление допущенных процессуальных ошибок и исполнение предварительного следствия. Суд на всех стадиях имеет возможность исправления процессуальных ошибок, допущенных на предыдущих стадиях, — это общее правило. В данной ситуации мы сталкиваемся с исключением, связанным с невозможностью суда самостоятельно указать на ошибки предварительного расследования, не увеличив обвинение. Это исключение спорное, неоднозначное и вызвано плохой работой (можно подобрать много других эпитетов) органов предварительного расследования и прокуратуры. Выход из такой ситуации видится в совершении двух последовательных действий:

а) предоставление суду возможности указания на допущенные ошибки предварительного расследования с

целью их исправления;

б) принятие мер уголовно-процессуальной ответственности к виновным за допущенные существенные нарушения, которые стали препятствием для рассмотрения уголовного дела в суде и которые поставили суд перед необходимостью нарушения принципов уголовного процесса и фундаментальных положений, регламентирующих статус суда.

В качестве меры уголовно-процессуальной ответственности можно применить, например, возвращение уголовного дела не тому прокурору, который утвердил обвинительное заключение (акт, постановление) с существенными процессуальными нарушениями, а вышестоящему. В мотивировочной части постановления следует указать, какие существенные нарушения допущены, и констатировать факт, что нижестоящий прокурор не принял должных мер прокурорского реагирования. В таком случае вышестоящий прокурор имеет возможность принять не только законное решение, но и профилактические меры по недопущению в будущем существенных нарушений УПК. В необходимых случаях он может принять меры к повышению правовой грамотности своих подчинённых со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Хочется надеяться, что возвращение дела прокурору будет именно исправлением ошибок без восполнения неполноты предварительного расследования, на что обращают внимание все субъекты, анализирующие этот вопрос, в том числе и Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 2 июля 2013 г. 16-П. В противном случае поменяется не только функция суда, но и возможно тип уголовного процесса, чего допустить нельзя.

В такой ситуации контроль за запретом восполнения неполноты предварительного расследования следует поручить стороне защиты и суду. Если у защиты появятся подозрения в восполнении неполноты предварительного расследования, то она должна иметь право заявить свои обоснованные претензии в суде в рамках ст. 271 УПК, а суд должен обеспечить запрет восполнения неполноты предварительного расследования.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Все стороны (в том числе и Конституционный Суд РФ) однозначно стоят на позиции, что современное возвращение уголовного дела прокурору ещё не является дополнительным расследованием в полном смысле этого слова. Даже самые рьяные сторонники возвращения уголовного дела прокурору не отождествляют эту процедуру с возможностью восполнения неполноты проведённого дознания или следствия.

Из этого следует важный для защиты вывод. Сторона защиты должна пристально следить за тем, чтобы возвращение уголовного дела прокурору не приобрело реальные черты восполнения неполноты предварительного расследования. В этом может помочь анализ двух обвинительных заключений (актов, постановлений). Если разница в этих заключениях будет касаться только изменений процессуальной формы, связанной с переквалификацией преступления — это одно. Но если изменения будут связаны с увеличением неполноты проведённого следствия или дознания (изменения не по форме, а по содержанию), — это совсем другое. В этом случае защитнику нужно обращать внимание всех субъектов на имеющее место восполнение неполноты пред-

варительного расследования, которое не только не предусмотрено законом, но и которое все отрицают. А суду в этой ситуации надо реализовать запрет на увеличение неполноты предварительного расследования.

2. Коль скоро основанием для возвращения уголовного дела прокурору являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения, то и отношение к этим существенным нарушениям должно быть адекватным.

В этой ситуации возвращать уголовное дело тем же субъектам, которые уже согласились и не исправили существенные уголовно-процессуальные нарушения, неразумно. Более целесообразным является вариант возвращения уголовного дела вышестоящему прокурору для принятия законного решения, а также профилактических мер по не допущению впредь таких нарушений, которые расшатывают фундаментальные устои и грозят сменой типа уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. От 04.07.2003 № 92-ФЗ, 02.12.2008 № 226-ФЗ, 04.03.2013 № 23-ФЗ, 26.04.2013 № 64-ФЗ.

2. От 8.12.2003 № 18-П, 16.05.2007 № 6-П, 02.07.2013 № 16-П.

3. От 05.03.2004 № 1, 11.01.2007 № 1, 23.12.2008 № 28, 22.12.2009 № 28.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. 7-П «По делу о проверке конституционности положений п.п. 1, 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РФ в связи с запросами...» // СЗ РФ. 1999. 17. Ст. 2205.

5. Российская газета. 2003. 10 июля.

6. Петрухил И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 1. М.: Проспект, 2004. С. 16-17.

7. СЗ РФ. 2007. 24. Ст. 2830.

8. СЗ РФ. 2007. 24. Ст. 2833.

9. СЗ РФ. 2013. 9. Ст. 875.

10. Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к следованию // Уголовный процесс. 2013. 11. С. 28.

11. СЗ РФ. 2013. 17. Ст. 2031.

12. СЗ РФ. 2013. 28. Ст. 3881.

13. Серия статей в журнале «Уголовный процесс». 2013. 7, 11.

14. Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. 11. С. 20-27.

15. Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к следованию // Уголовный процесс. 2013. 11. С. 28-35.

EVOLUTION OF ARTICLE 237 OF CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA IN ASPECT OF PROTECTION OF THE PARTICIPANTS RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

©2014

Belonosov V.O., Juris Doctor, Professor of the Department of criminal process
Samara Law Institute (Russia)

Annotation: article analyzes the background of appearance, becoming and developing of article 237 of Code of Criminal Procedure of Russia through adoption of laws, interpretation of the Constitutional Court and Supreme Court decisions of Russia. The impact of these changes for them the protection of the participants rights in criminal proceedings is considered. The conclusion on the need to strengthen criminal-procedural responsibility.

Keywords: criminal process, procedural functions, return of criminal cases to the prosecutor.

УДК 343.1

НОВЕЛЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© 2014

Буторин Л.А., доцент
Российский университет кооперации, Мытищи Московской области (Россия)

Аннотация: уголовно-процессуальное законодательство совершенствуется, в стадия возбуждения уголовного дела осуществляется сбор доказательств, однако согласно статистическим данным решения в ней принимаются нередко ошибочные, вызывает возражения производство в ней судебно-психиатрических экспертиз.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, первоначальная стадия уголовного процесса, судебно-психиатрическая экспертиза, новеллы в уголовном процессе, статистические данные.